

Глава 17

Цветок шореи в снегу

Покинув зал Небесных царей, Дань Фэн по пути зарубил немало ледяных трупов, но, обернувшись, увидел лишь клубы ледяного тумана.

Все исчезли?

А под тронем Майтреи, на лепестках лотоса, медленно проступали искажённые лица, до ужаса похожие на те, что он видел, когда тот пожирал жертвенных животных.

— Когда Майтрея был ранен, он восстановился не сразу, — сказала тень. — Несколько трупов монахов сами разложились и стекли к подножию трона.

— Ты хочешь сказать... жертвоприношение? — спросил Дань Фэн. — Точно, неудивительно, что этот Майтрея всё растёт и растёт. Кроме животных из подвала, эти трупы монахов тоже были подношением!

Поглотив эту кровавую жертву, жир на теле Майтреи стал ещё более прозрачным, а его дхарма-тело, возвышавшееся над миром, и его пение стали ещё более неземными.

— Во всех грехах каюсь...

— Во всех грехах каюсь... — вторили монахи.

— Каюсь...

Под этим скорбным плачем он даже увидел, как сине-чёрный цвет на лицах некоторых трупов сошёл, и их кожа, словно овечий жир, стекла в шею.

Бум!

Ещё несколько трупов монахов рассыпались в снежную пыль, устремившись в зал.

Тень помолчала мгновение и сказала:

— У них на сердце вина.

— Мимолётная вина, и за это их сожрали, как закуску, — вздохнул Дань Фэн. — Лучше быть

бесстыжим... Смотри, этот монах, плачет трогательнее всех. Ой! И этот взорвался. У духа снега не хватает плакальщиков?

Это был дурной знак. Ядро алтаря на лбу Майтреи уходило всё глубже и глубже.

Алтарь, созданный из дхарма-тела Майтреи Накопленного Снега... одна мысль о его прочности вызывала леденящий ужас.

Он и так слишком долго задержался на этой ледяной равнине. Каждый день промедления означал новые жертвы среди учеников его Обители.

Но как это остановить? Разрубить все эти трупы на куски? Но тогда их останки снова поглотят Майтрею, лишь ускорив его развитие.

Эти трупы нельзя было ни убивать, ни оставлять. Он оказался в тупике.

— Год великого голода... Эту стелу установил настоятель, — сказала тень, её голос разнёсся над стелой. — Тринадцатый год эры Цинфэн. Великий голод в Поднебесной, ни зерна урожая. В полях люди ели друг друга. Храм в упадке, я в великой печали.

Голос её был ровным и спокойным, но в словах на стеле, казалось, была заключена некая сила. Окружающее пение тут же стихло, и все трупы монахов подняли головы, прислушиваясь.

Дань Фэн схватил один из трупов. Хоть он и был сине-чёрным от холода, но тело было невероятно худым, рёбра выпирали, а живот, наоборот, был раздут, как барабан.

Он заглянул в поющее горло — это был злой дух с игольчатой пастью.

За что ему такое наказание? Что он съел такого, чего не следовало?

В год великого голода монахи и сами были на грани смерти, какие уж тут заповеди?

— Однажды ночью пошёл странный дождь, — продолжила тень. — Он шёл лишь над залом Майтреи, не задевая ничего вокруг. С карнизов капала кровь, а в ней — кишки. Все монахи в ужасе смотрели на это, не зная, что это — добрый знак.

— Добрый знак? — переспросил Дань Фэн. — Какой же это добрый знак!

— ...Кровь превратилась в дивный аромат, похожий на сандал, и всплыла в зал. Весь синий дым устремился в ноздри и рот Майтреи. Той ночью во сне я услышал голос Майтреи: «Когда грязная кровь превратится в благоуханный дождь, принесите мне в жертву трёх животных».

— На следующий день на крыше действительно лежали гниющие туши свиньи, быка и барана. Сначала они воняли, как тухлая рыба, но вскоре плоть их стала упругой, и от них пошёл дивный аромат. Монахи были в смятении. Чтобы избежать беды, я тайно установил в подвале алтарь и поместил туда эти три туши... Той ночью я снова услышал голос Майтреи: «Хорошо. Не жадничайте, не обманывайте. Ежедневно приносите жертвы. Небесный дождь из трёх животных. Через сто дней я одарю Поднебесную». Я проснулся в трепете, поняв, что это испытание, ниспосланное бодхисаттвой, шанс спасти всех живых.

— Следующие сто дней в храме шёл небесный дождь из трёх животных.

— Сначала их было не больше десятка, но благодаря усердным молитвам монахов они образовали целые горы, заполнив двор... Храм был пропитан запахом крови и гнили, но казался благоухающим миром.

Когда тень дочитала до этого места, в воздухе послышался шум дождя. С крыши зала Майтреи потекли потоки крови с кишками, и гниющие туши коров и баранов с глухим стуком посыпались на землю.

Это была, пожалуй, самая ужасающая картина смутных времён.

Едва коснувшись земли, гниющие туши становились упитанными и полными. Задняя нога ягнёнка была такой толстой, что её едва можно было обхватить двумя руками. Горы еды росли, а монахи, наоборот, худели, превращаясь в призраков.

Сидящие трупы монахов все как один протянули руки, чтобы зачерпнуть эту массу. Иней на их лицах растаял, и на них появилось выражение невиданной радости.

— Амитабха.

— Спасение! Городское зерно для помощи голодающим кончилось, на дорогах лежат мертвецы, даже корни и кору уже съели. Какое счастье!

— Через сто дней одарит Поднебесную... Если мы будем строго соблюдать заповеди, не жадничать, не обманывать, то жители города смогут пережить этот ужасный голод!

Дань Фэн смотрел на их лица, но в его сердце нарастало зловещее предчувствие. Такая надежда... в глазах Сюэлянь это была лишь игрушка.

Самое большое отчаяние приходит в тот миг, когда ты уже почти спасён, и вдруг падаешь на самое дно.

И действительно, тень продолжила:

— ...Увы, голод монахов был слишком силён, и это привело к беде.

В тот же миг выражение на лицах трупов застыло, превратившись в крайний ужас и раскаяние. Их рты беззвучно открылись, обнажая горло размером с игольное ушко, но из них вырывались лишь клубы искажённого холодного пара.

— Он хотел, чтобы они умерли от голода, глядя на горы мяса. Это был обман... тень? — сказал Дань Фэн.

Тень коснулась живота одного из трупов.

— Я поняла. Задержи его.

Не успел он договорить, как его фигура исчезла. Улыбающиеся глаза Майтреи Накопленного Снега, висевшие в воздухе, резко выпрямились, и плоть под ними заходила ходуном.

— Прячешься... почему бы не показаться!

Весь храм был под его властью. Он ударил ладонью, и небо потемнело. Бесчисленные постройки рухнули.

Бум!

Дань Фэн искал тень, как вдруг из-под руин донёлся сильный кашель, словно кто-то выплюнул кровь.

Как тень могла быть ранена?

Она попала в место, где нет света?

— Тень, ты где? — крикнул Дань Фэн.

Через некоторое время тень тихо ответила:

— Я в келье. Не обращай на меня внимания.

— Не убей себя там. Сможешь выбраться?

Неизвестно, что тень делала в келье, но гнев Майтреи лишь усилился. После одного удара он превратил свои пять пальцев в алебарду и вонзил её в руины, с силой надавив!

В тот миг, когда тень ладони поглотила руины, сердце Дань Фэна бешено заколотилось. Если тень в темноте превратится в плоть и кровь, как её хрупкое тело выдержит такой удар!

— Почему ты молчишь? Тебя и вправду завалило?

Снова тишина.

Только глаза Майтреи резко изогнулись. Эта усмешка не была милосердной, в ней сквозила зловещая злоба.

— Нашёл.

Почти в тот же миг на его запястье появилась красная линия. Клинок пронёсся по ней, и вся кисть с лязгом упала на землю, обнажив срез, похожий на красный нефрит.

Отвлечь руки Майтреи было недостаточно.

В тот же миг раздался треск ледяных трупов. Дань Фэн не собирался сидеть сложа руки и смотреть, как тот восстанавливается. Он отбросил стелу, прыгнул и с силой вонзил свой длинный клинок ему в живот, всем весом навалившись на него!

Живот Майтреи был мягким и не поддавался силе. Клинок лишь рассёк его, и из раны хлынуло море жира и бесчисленные головы животных, которые катились, кричали и выли. Картина была ужасающей, словно адский котёл.

Но их предсмертные муки не могли сравниться со скоростью поглощения Майтреи. Они таяли на глазах, и вытопленный жир заливал рану на его животе, постоянно наращивая новую, красно-жёлтую плоть.

Что за чертовщина! Этот удар лишь ускорил его поглощение. Напал ли он на ледяные трупы или на само тело, скорость строительства алтаря была подобна несущемуся колесу — раз начавшись, его уже не остановить.

И сам Дань Фэн оказался в ловушке. Чтобы не сжечь самого себя, ему оставалось лишь вступить в бесконечные, яростные схватки.

Скорость атак Майтреи росла. Поглощая энергию его клинка, он становился всё сильнее. После нескольких десятков обменов ударами Дань Фэн снова нанёс удар, но противник уже превосходил его. Он ударил обеими ладонями, и ураганный ветер, подобный горам, сжал его.

Дань Фэн резко отступил. Майтрея вытянул свою огромную ногу, и с громким треском он наступил на стелу.

Он целился в стелу?

Похоже, странное поведение трупов заставило того, кто ими управлял, занервничать.

Но за время этой схватки ледяных трупов почти не осталось. Белый волосок на лбу Майтреи почти полностью втянулся в голову. Алтарь вот-вот будет завершён, и тогда никто не сможет уничтожить его ядро.

Его снова обвели вокруг пальца.

Тот, кто скрывался за всем этим, был искусным стратегом. Он рассчитал всё до мелочей, даже расходный материал в виде ледяных трупов, и играл им, как марионеткой. Дань Фэн в жизни не вступал в такую унижительную битву. Его Клинок Фэнъе был подобен щиту, но он не смел ранить тело противника, и его охватила ярость.

Нет, нужно бежать, связать этих нескольких ледяных трупов и унести с собой. Посмотрим, чем он будет питать свой алтарь...

— Тень! — крикнул Дань Фэн. — Можешь двигаться? У него под левым локтем есть брешь!

Ответом ему был слабый звук струны. Один из ледяных трупов неподалёку переломился пополам.

— Не убивай его! — крикнул Дань Фэн.

За этот миг промедления ладонь Майтреи уже достигла его. Дань Фэн принял удар в грудь и отлетел на несколько чжанов, с трудом остановившись, вонзив клинок в землю.

Тихий звук не прекращался.

Ещё несколько ледяных трупов упали на землю. Из-за слабости удара они ещё могли шататься, но уже поднимались.

— Ты на чьей стороне, в конце концов...

— Ты не видишь?

Тихий голос раздался у него за спиной.

Услышать двусмысленный ответ в такой момент — не к добру.

Дань Фэн отбил удар Майтреи и, резко обернувшись, увидел тень, застывшую на стеле. Она стала ещё более хрупкой, чем раньше, и почти просвечивала. Очевидно, она была серьёзно ранена.

— Тень, — медленно произнёс Дань Фэн. — Ты можешь быть из Сюэлянь?

Тень бросила на него быстрый взгляд. Во рту она держала ленту для волос, другой конец которой был зажат между двумя пальцами и развевался на ветру. Эта штука тоже может ранить?

В следующее мгновение развевающаяся лента с огромной силой хлестнула его по лицу!

Дань Фэн повернул голову и пошевелил шеей. С тихим хрустом его челюсть встала на место. Когда улыбка сошла с его лица, его выражение стало грозным, способным напугать кого угодно. Но мягкое прикосновение ленты к его щеке, то ли охлаждающее боль, то ли разжигающее огонь в сердце, было непередаваемо.

— Я всё ещё хочу отрезать тебе язык, — сказала тень, подперев подбородок.

Он поманил пальцем, и лента, обернувшись вокруг воротника Дань Фэна, потянула его на несколько шагов назад, за обломок стены.

Бум!

Ладонь Майтреи опустилась, и обломки полетели во все стороны, пролетев мимо него. Дань Фэн отбил их клинком и невольно прикусил язык. Было очень горячо.

— Ш-ш-ш... ладно, если ты меня обманешь, я взыщу с тебя в десятикратном размере, — сказал Дань Фэн и вдруг понял. — Я не хотел тебя оскорбить. Во всём виноваты Сюэлянь, у них отвратительная репутация...

Ещё одна тень обрушилась на него. Он рубанул клинком, и она развалилась на две части, с кровавым шлепком упав на землю.

Это было разорванное свиное ухо.

— Свиное ухо? — Дань Фэн поддел её кончиком клинка с непередаваемым выражением. — Ты забрался в келью, чтобы украсть свиную уху? Уж лучше бы со мной воровал ледяные трупы.

— Свиные мозги, — тихо сказала тень. — Эту уху я достал из-за пазухи настоятеля.

Он поманил пальцем, и воротник Дань Фэна снова потянуло.

— Я просто пошутил, — вздохнул тот. — Это был нож для пострига?

На свином ухе были многочисленные скрытые порезы. Он был очень чувствителен к таким вещам и сразу понял это по ширине лезвия.

Так называемый нож для пострига использовался монахами для обрезания одежды и ни в коем случае не должен был быть запятнан кровью. Но как такие следы могли появиться на свином ухе? Порезы были не шире пальца, с обратной стороны уха был срезан тонкий слой плоти. Очень скрытно.

— Как думаешь, в чём раскаиваются трупы монахов? — спросила тень.

Оставшиеся трупы всё ещё читали сутры, повторяя одни и те же слова: «Во всех грехах каюсь». Но от того, что им никто не отвечал, их голоса становились всё более пронзительными и отчаянными, а по их лицам текли ледяные слёзы.

Дань Фэн окинул их взглядом.

— Конечно, в том, что они украли жертвенных животных. Нарушили заповедь о мясе и вине — это ещё полбеды. Но если из-за этого пострадал весь город... неудивительно, что они так раскаиваются.

— Майтрея может поглощать их, потому что он ухватился за их раскаяние, — сказала тень. — Пока узел на их сердце не развязан, они будут продолжать приносить ему жертвы, чтобы получить прощение.

— Это так, но они уже всё съели. Как развязать этот узел? — спросил Дань Фэн.

— Я только что вскрыл желудки нескольких ледяных трупов.

— И что там?

— Ты меня отвлек, их внутренности уже замёрзли. Внутри что-то есть, но лента недостаточно острая, — сказала тень, подперев подбородок. — Почему бы не попробовать твоим любимым клинком?

Не успел он договорить, как удивлённо хмыкнул. Дань Фэн тоже услышал странный звук и резко обернулся.

Скрип-скрип... щелчок!

Один из ледяных трупов, шатаясь, опустился на колени. В его животе зияла дыра, и он глубоко засунул в неё руку. Замёрзшие внутренности издавали леденящий душу скрежет.

Он рылся в собственных внутренностях, его движения были настолько безумными, что казалось, он готов вырвать их все!

Ледяные осколки и органы посыпались на землю.

В то же время лицо трупа дёргалось, на нём смешались плач и безумная радость. Этот вид мог свести с ума. Но Дань Фэн мгновенно понял — он ищет причину того, почему не может обрести покой.

Если узел на сердце трупа — в краже еды, то, извлекая подношение, он, возможно, сможет облегчить свою вину и освободиться от власти Майтреи Накопленного Снега. Возможно, ключ к разрушению алтаря именно в этом. Нужно помочь трупам освободиться.

— Не трогай его, он искупает свою вину.

Не успел он договорить, как труп вытащил из своего живота что-то кровавое. На первый взгляд, это был кусок мяса с костями, и он ещё шевелился в его пальцах.

Не успев разглядеть, что это, Дань Фэн почувствовал сильное беспокойство.

Тень, казалось, почувствовала то же самое. Лента резко метнулась к глазам трупа, но было уже поздно.

Глаза трупа опустились вниз, и, увидев, что у него в руке, они в ужасе расширились. Улыбка облегчения застыла на его лице, превратившись в беззвучный крик.

Бум!

Он мгновенно взорвался, превратившись в облако ледяной пыли, которое устремилось к лотосовому трону Майтреи.

Очевидно, после извлечения предмета труп не только не обрёл покой, но, наоборот, испытал какой-то шок!

— Не должно быть так. Почему такая реакция? — нахмурился Дань Фэн. — Тень, ты видел, что он съел?

— Ответ может быть лишь в одном месте, — сказала тень. — Почему бы не посмотреть?

Дань Фэн усмехнулся.

Хоть тень и была капризной, но в нужный момент она была надёжным союзником. Без лишних слов, когда он прыгнул на Майтрею, тень ленты мелькнула в его боковом зрении.

Едва он появился, как на него обрушился ураганный ветер. Подняв голову, он увидел, что тело Майтреи стало огромным, как гора, нос — как висящий колокол, а глаза сверкали, как молнии. Эта тварь выросла до таких размеров!

Удар ладони расколол лёд. Дань Фэн проскользнул мимо тела Майтреи, и Клинок Фэнъе, высунувшись из-под его локтя, вонзился ему в ступню. Через несколько шагов он перехватил клинок обратным хватом и с резким рывком протащил его поперёк!

Эти два удара были быстрыми и точными, они лишь оторвали кусок плоти, похожий на клин, как заусенец у ногтя.

— Ами табха, — сказал Дань Фэн. — Прошу бодхисаттву поискать у себя блох!

Несколько камней, острых, как собачьи клыки, вонзились в рану на ступне Майтреи. Для его нынешнего тела эти мелкие «блохи» были лишь досадной помехой, но этого было достаточно.

Улыбка на лице Майтреи тут же исчезла. Он поднял ногу и принялся двумя пальцами выковыривать камни из раны. В этот момент луч лунного света проскользнул под его коленом и упал на руины.

— Что за дурацкая идея, — усмехнулась тень.

— Дурацкая идея не требует усилий. Только сумасшедший будет биться с ним в лоб. Тень, скорее!

Обломки полетели во все стороны. Тень выскользнула из руин и одним движением притянула к себе стелу.

Дань Фэн ни за что не позволил бы ему пострадать во второй раз. Он тут же запрыгнул на плечо Майтреи.

— Ты спокойно читай свою стелу, остальное предоставь мне.

Майтрея почувствовал это, и на его лице появилось гневное выражение. Но клинок Дань Фэна

уже вонзился ему в уголок глаза и пронзил оба глаза насквозь. Из глазниц хлынул густой розовый жир.

— Бровь горит, а ты ещё смеешь на него смотреть?

Он резко повернул запястье, и длинный клинок вонзился ему в ухо! С треском ледяных трупов и видом вытекающего из всех отверстий жира, от которого становилось дурно, Дань Фэн, не дожидаясь, пока нарастёт новая плоть, погрузил клинок в бурлящий жир, чтобы замедлить заживление.

Времени оставалось мало, ледяных трупов становилось всё меньше...

«Надеюсь, ты прав, тень!»

Среди этой адской картины лишь голос тени, подобный ледяной воде, разносился над руинами, успокаивая и заставляя слушать.

Дань Фэн на мгновение отвлекся, подумав, что тот, должно быть, очень хорошо умеет читать проповеди.

— Один послушник украл мясо, отрезав ножом для пострига кусок свиного живота. На следующий день небесный дождь из трёх животных пошёл снова. Они рассказали друг другу, и это стало обычаем. Они резали его ножами, грызли зубами, прежде чем положить на алтарь.

— Я нашёл эту свиную уху, долго молчал и не смог их остановить. Я молюсь, чтобы бодхисаттва не отнял свою силу и сотворил это безмерное благо...

— Сто дней прошли. Весь подвал был забит тремя животными... они снова превратились в гниющие трупы. Весь город наполнился стонами, их надежда умерла.

— Если бы я знал... я бы лучше отдал свою плоть. Теперь, даже если я пройду через сотни мучений, раскаиваться уже поздно!

— Прошло пятнадцать лет с того великого голода. Город восстановлен, на дорогах больше нет костей. Из-за кражи подношений в нашем храме больше всего монахов, и благовония горят не переставая. Возможно, бодхисаттва простил нас. В последнее время в Поднебесной стало холодно, а лица послушников лоснятся от жира. Я беспокоюсь и поэтому установил эту стелу, чтобы предостеречь от жадности и обмана, и чтобы они усердно молились!

— Предостеречь от жадности и обмана... усердно молиться... усердно молиться! — плакали трупы монахов.

Их голоса были пронзительными, как крики сов, и не умолкали. Дань Фэн, вспомнив о затопившей город воде, почувствовал неопиcуемый гнев.

Бедствие пришло снова, и всё повторилось.

Что за чистое, незапятнанное кладбище.

Сотни храмов на берегу озера Белой Пагоды. За одну ночь были нарушены все заповеди, а на них ещё и возложили миссию спасения всех живых. Их грех был в сотни раз тяжелее, чем у обычных людей. Когда явится Майтрея Накопленного Снега, чтобы судить добро и зло, ему останется лишь собрать урожай.

Такая группа усердно молящихся трупов монахов действительно стоила того, чтобы потратить на подготовку несколько десятков лет. А обмануть смертных было слишком легко.

Монахи до самой смерти не узнают, что их душевные муки лишь послужили чужой жадности.

Плоть и кровь, семь страстей и шесть желаний... всё обратится в прах, перенесённый снегом!

— Небесный дождь из трёх животных, — коротко усмехнулся Дань Фэн, снова повернув рукоять клинка. — Кого они пытаются обмануть? Эта игра на человеческих чувствах, это преднамеренное искушение — если это не дело рук Сюэлянь, я готов съесть свой клинок. Тень, наше предположение, должно быть, верно. Но почему тот труп так отреагировал, когда выпотрошил себя?

Тень, неизвестно когда, появилась на белой пагоде.

— Ты думаешь, это действительно были три животных? — тихо спросила она.

— Иллюзия, — вздохнул Дань Фэн. — Откуда у Сюэлянь столько свиней, быков и баранов? К счастью, был голод, и найти материал на месте было легко.

Не успел он договорить, как спрыгнул с плеча Майтреи. В тот миг, когда он вытащил клинок, красная плоть в глазах Майтреи заходила ходуном, и ещё один труп монаха затрясся.

Дань Фэн схватил труп и ударил его в грудь и живот.

Внутренности разлетелись, и из них выпала окровавленная детская косточка.

Хоть он и ожидал этого, его зубы всё равно сжались. Его поразил тот же ужас, что и монахов много лет назад.

Три животных, которых они так берегли... они уступили своему инстинкту выживания. И даже эти так называемые быки и бараны были лишь иллюзией, гниющими трупами, умершими от голода на улицах детьми, распухшими телами соседок.

Весь храм был окутан не ароматом сандала, а звуками человеческой плоти, пожирающей человеческую плоть.

Цена, заплаченная за обман верующих, была слишком низкой.

Даже после смерти они должны были читать сутры и каяться перед демонами!

— Давать обет бодхисаттве или выживать — в этом нет ничего плохого, — сказал Дань Фэн и, прежде чем труп опустил голову, провёл двумя пальцами по его глазам. — Не смотри.

Лента опередила его.

Не успела косточка упасть на землю, как превратилась в цветок шореи, который, медленно вращаясь, полетел вниз. Его лепестки должны были быть как шёлк и как снег.

Но в этом мёртвом месте, у озера Белой Пагоды, даже летящие цветы были холодными, с блеском стальных шипов.

— Истина есть истина, иллюзия есть иллюзия. Всё так непостоянно, — сказала тень, поймав тень цветка. — Иди.

Он коснулся его кончиком пальца, и тычинки, словно погружённые в весеннюю воду, медленно раскрылись.

Труп монаха, глядя на тень цветка, казалось, впал в транс. Весь иней на его теле сошёл, и он наконец опустился в пыль.

— Ами... табха...

Дань Фэн в основном видел лишь упрямую и одержимую сторону тени, словно в ней кипела неутолимая ярость. Впервые он видел её такой сострадательной.

Цветок шореи, полускрытый в лунном свете, также лежал в его пальцах.

Тень опустила голову, глядя на цветок. Дань Фэн не видел его глаз, но чувствовал необычайно глубокую ненависть.

— Ты видел это? — спросил Дань Фэн.

— Я видел, — ответила тень.

Труп монаха исчез, и Майтрея Накопленного Снега вскрикнул от боли. Его зрачки в новообразованной плоти бешено дёргались, словно мёртвый червь, неспособный вырваться из кокона, излучая злобный холодный свет.

И действительно, как только подношение исчезло, его восстановление прекратилось.

— Ты тоже владеешь иллюзиями? — поднял бровь Дань Фэн.

— Мелкие фокусы, — сказала тень, играя с тенью цветка и отмахнувшись от него. — Ты ещё не идёшь?

Цветы шореи закружились между трупами монахов, касаясь их одежды и исчезая, а затем вылетая с комком внутренностей. Дань Фэн всё понял и прыгнул на Майтрею.

Там, где падал кровавый дождь из цветов, клинок сверкал, как молния!

Последний удар клинка пронзил его насквозь. Майтрея с грохотом рухнул на скалу, его тело разлетелось на куски, а поглощённый им снег хлынул наружу, превратившись в ледяной водопад высотой в десятки чжанов. Главные залы храма были смыты этим потоком.

Дань Фэн отбил обрушившийся на него водопад и поднял голову к вершине горы.

На скале висели сосульки длиной в несколько чи, смутно напоминающие очертания лица Будды. В глубине мерцал белый свет — это был алтарь на лбу Майтреи.

Майтрея Накопленного Снега был тяжело ранен, ядро алтаря то вспыхивало, то гасло. Это был самый уязвимый момент, идеальный шанс, чтобы выманить того, кто управлял алтарём. Он должен был увидеть его истинное лицо!

Но именно в этот миг тёмная тень с железными крыльями спикировала с луны на алтарь.

Откуда на озере Белой Пагоды взялись птицы?

Дань Фэн швырнул Клинок Фэнъе. Раздался громкий лязг.

Тёмная тень получила удар в грудь и вместе с Клинком Фэнъе упала на землю.

Это был ледяной труп сокола. Дань Фэн, вытаскивая клинок, почувствовал неладное. Громкий лязг спугнул бесчисленные тёмные силуэты за горой, которые, словно лунное затмение, в мгновение ока накрыли вершину ледяного водопада.

В этой внезапной темноте завыл ветер, и стая птичьих трупов с когтями, сверкающими холодным светом, устремилась на него.

Дань Фэн отбил их удар. Огромная стая птиц раскололась, и они посыпались на землю.

— Поздно, — сказала тень. — Они целились не в тебя.

Дань Фэн мысленно выругался. Этот отвлекающий манёвр сработал. После короткого, ужасающего звука клевания стая птиц разлетелась. На вершине горы осталась лишь голая скала. Где тень ледяного водопада?

Проклятье! Снова удар в пустоту. Ядро алтаря, которое было у него под носом, унесли эти дикие птицы.

Он был так близок к тому, чтобы выбраться из ловушки, и потерпел такое досадное поражение. Любой бы пришёл в ярость. И именно в этот момент его лоб обожгло болью. Он отмахнулся, поняв, что это замёрзший цветок шореи.

Дань Фэн быстро поймал его.

— Ш-ш-ш... тень, ты и меня решил обратить?

— Подними голову, открой глаза и посмотри, — сказала тень.

Ещё несколько цветков шореи посыпались вниз, и шум деревьев хлынул в уши. После жестокой битвы повсюду были руины. Большие рощи деревьев шореи, ранее скрытые за залами, теперь показались. Их ветви и листья были покрыты инеем и снегом, создавая картину уныния, в которой не было и намёка на мир и покой буддийской страны.

За то время, что он поднимал голову, его ударило ещё несколько раз. Это были скорее стальные колючки, чем цветы. А цветы вокруг тени, наоборот, были как пух, лёгкие и невесомые, кружились вокруг него. На их фоне он выглядел ещё более жалко.

— Почему у тебя они такие нежные...

Его слова оборвались. Он увидел, что тень сидит боком, держа во рту ленту. Длинные волосы, которые нельзя было ухватить одной рукой, хлынули, как весенняя вода, до самых локтей, и лишь тогда показалась изящная линия шеи, тут же прикрытая одеждой.

Редко можно было увидеть очертания тени так ясно. Словно цветок в зеркале внезапно стал реальным, но всё ещё скрытым за несколькими ширмами.

— Ладно... они тоже ослеплены красотой, — вздохнул Дань Фэн.

Последние несколько слов были едва слышны, но тень всё равно обернулась. Он с трудом удерживал волосы, и, когда он ослабил хватку, тёмное облако снова соскользнуло с его плеч.

Как Дань Фэн мог не заметить недобрый взгляд?

— В этом не только моя вина. Такие волосы в мирском вышивальном павильоне должны укладывать две служанки, — сказал Дань Фэн, скрестив руки. — Кстати, у меня очень ловкие руки. Хочешь, я помогу?

— Служанка-кузнец?

— Кстати, такие длинные волосы — редкость. Не похоже, что ты их специально отращивала.

Не успел он договорить, как в воздухе повисла напряжённая тишина, словно он снова затронул какую-то тёмную, запретную тему. Тень молчала мгновение, затем поманила его пальцем. Клинок Фэнъе в снегу с резким звуком взмыл в воздух.

— Эй, тень, ты не меня, а его решил использовать в качестве гребня?

Тень схватила длинные волосы, перехватила тень клинка обратным хватом и с молниеносной скоростью провела им по волосам. Шёлковые чёрные пряди даже не издали звука рвущейся ткани, как уже упали на землю.

Клинок Фэнъе, казалось, тоже счёл это кощунством. Среди разлетающихся волос он лежал в ладони тени и дрожал.

Тень схватила его и щёлкнула по нему пальцем.

— Заткнись.

— Лишившись волос, чувствуешь ли ты облегчение? — тут же спросил Дань Фэн за него.

Тень, казалось, не ожидала такого вопроса.

— А что, боишься, что я осквернил твой любимый клинок? — медленно произнесла она.

— Он отрубил столько голов, что и не сосчитать. Привык к крови и плоти, что ему какие-то волосы? Правда, дружище?

— Каков хозяин, таков и клинок, — усмехнулась тень.

Хоть в её словах и была насмешка, она не впала в ярость, как обычно, а лишь провела двумя пальцами по лезвию, задержавшись на мгновение на древних письменах.

Там, где его тонкие пальцы коснулись клинка, по лицу Дань Фэна пробежала прохлада.

— Фэн... е.

— Э-э-э... — Дань Фэн прикрыл щеку рукой и протяжно сказал. — Тень, тень, мы с тобой прошли через огонь и воду, а я до сих пор не знаю твоего имени.

— Какие ещё огонь и воду?

— А это не считается? Ну, тогда мы хотя бы знакомы?

Тень коротко усмехнулась.

— Знакомы? Ты видел моё лицо?

— Как нелюбезно, — понизил голос Дань Фэн. — Тогда плохо дело. Но ты ведь называешь меня по имени, которое выгравировано на моём клинке. И ещё, этот клинок я выковал в своём даньтяне. Когда ты его так трогаешь, я это чувствую. Такая близость...

Он быстро поднял руку и поймал летящий в него Клинок Фэнъе.

— Тень, не злись сейчас, не порти такой момент, — сказал Дань Фэн. — Светает.

Над горизонтом медленно поднималось не утреннее солнце, а багровый, ущербный диск. Ледяная равнина странным образом не отражала свет, а была пропитана застарелой кровью.

Древний храм, утопающий в лучах заходящего солнца.

Жизнь здесь угасла, но следы людей остались. Под деревьями шорей вились тропинки, мох отступал от следов. Несколько коромысел у бочки с водой, старое птичье гнездо под карнизом — всё это было освещено мягким, желтоватым светом, словно из другого мира.

После короткого рассвета лёд опустится на несколько чи, и ещё одно кладбище будет очищено от пыли и явится миру. Тот, кто управлял алтарём, не упустит шанса его восстановить. В этой неземной тишине он уже предвидел грядущие жестокие битвы.

— Так смотреть — всё кажется мирным, — вздохнул Дань Фэн. — Жаль, что, когда монахи читали свои сутры, за ними уже следили Сюэлянь.

— Если бы мне нужно было создать Майтрею Накопленного Снега, я бы тоже выбрала храм.

— Что, у тебя с монахами вражда?

— Дело в нарушении заповедей, — сказала тень. — Семь страстей и шесть желаний. Запретить, но не искоренить.

— Верно, монахи шепетильны. Достаточно поманить пальцем, чтобы вызвать в них стыд. Действительно, хорошее место для возвращения трупов, — сказал Дань Фэн. — Тень, ты мне подсказал. На берегу озера Белой Пагоды больше сотни храмов. Разрушим их все, и он непременно появится. Давай так, мы пойдём на восток и сначала разрушим храмы Защитников Государства...

— Кто сказал, что я пойду с тобой? — прервала его тень.

— Не пойдёшь? Алтарь не разрушен, ты не сможешь покинуть озеро Белой Пагоды. Будешь жить с монахами, не боишься, что от их пения у тебя голова закружится?

— Лучше слушать, как поют ледяные трупы, чем как ты играешь на флейте.

— Неужели? — сказал Дань Фэн и вдруг свистнул. Звук был чистым и звонким, ещё не сложившись в мелодию, он заставил птичье гнездо на карнизе дрогнуть. Он окинул всё взглядом и удивлённо хмыкнул. — Ценитель нашёлся?

Над гнездом была надета соломенная шляпа, защищающая его от ветра и дождя. Под ней висел жёлтый амулет на удачу.

Из щели высунулся птенец ласточки. На его груди только-только начал пробиваться пух, глаза были как чёрные бусинки. Он несколько раз чирикнул в его сторону и, не получив ответа, неуверенно вспорхнул на ленту шляпы.

— Это птица, которую вырастил большой монах? — спросил Дань Фэн. — Ещё и перья не выросли, а уже разбирается в музыке.

Птенец расправил крылья и полетел к балке. Он покружил несколько раз, но, никого не найдя,

его чириканье стало жалобным.

Ласточка перед старым залом, печальная, как во сне.

Тень ленты мелькнула, и птенец с щелчком переломился пополам, упав в грязь.

— Хорошо, — сказал Дань Фэн, помолчав. — Во имя бодхисаттвы и его великого сострадания.

— С твоим языком без костей, — усмехнулась тень, — тебе бы лучше держаться подальше от бодхисаттв.

— Я — демон, и совесть моя чиста.

— Правда? А как же сто восемь храмов, которые ты собирался разрушить?

Дань Фэн уловил скрытый смысл.

— Тень, ты согласна? — поднял он бровь. — Эй, подожди, я не могу летать так же быстро, как ты...

Его руку обожгло холодом. Невидимая лента обвила его запястье и мягко потянула.

Дань Фэн усмехнулся. Цветок шореи, сорванный его пальцами, закружился и вплёлся в волосы тени у виска.

Над озером Белой Пагоды восходило солнце и садилась луна. Он никогда в жизни этого не забудет. И не знал, что все его кармические долги были посеяны именно в этот миг!

От автора:

<http://bllate.org/book/16978/1584682>